

прилагательных ведёт к большей экспрессивности оценки и является показателем того, насколько человек далеко отстоит от Бога.

Помимо страстной природы человека, объектом негативной оценки становятся земные блага. *Так как нас не интересует по нашей страстности к земному и нечистоте сердца высочайшее Сокровище – Бог и вечная жизнь, то мы интересуемся суетными игрушками, подобно детям: наградами земными, богатством, властью скоропреходящей, ядением тленными...* [1: 58]. Оценивая богатство, земные награды, власть как суетные игрушки, скоропреходящие («недолговечные, непродолжительные») и тленные («подверженные тлению, разрушению, гибели; не вечные, преходящие»), святой напоминает о конечности жизни, о её непрочности, о том, что заботясь о земном, человек лишает себя возможности вечной, нетленной жизни [3].

Через использование оценочной лексики проявляется и отношение Иоанна Кронштадтского к окружающим людям, которые не замечают за собой того, что живут неправедно и не стремятся к покаянию. *Нажили капиталы в тысячи и сотни тысяч неправедными барышами и думают, что всё это богатство принадлежит им, а не вместе и бедным, думают удовлетворяться крошечными жертвами Богу и мечтают, что они исполнили весь долг свой, очистили все неправды свои, покрыли лихоимство своё* [1: 51]. Негативную оценку таким поступкам святой даёт с помощью прилагательного *неправедный*, имеющего значение «грешный, греховный». Кроме того, суффикс *-еч-* в слове *крошечный*, имеющий уменьшительно-ласкательное значение, в данном случае придаёт слову уничижительный оттенок, отражая отрицательную оценку святого подобным действиям. Таким образом, можно сделать вывод о том, что негативной оценке святой подвергает всё то, что связано со страстями, грехом, дьяволом, и положительной – то, что связано с Богом и добродетелью.

Литература

1. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Дневник. Том 1. 1856. – М.: Булат, 2005. – 256 с.
2. Смирнова, Л.Г. Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке / Л.Г. Смирнова. – Смоленск, 2008. – 268 с.
3. Электронный ресурс: http://onlineslovari.com/malyiy_akademicheskii_slovar

*Е. А. Ширина (Белгород, НИУ БелГУ)
shirina@bsu.edu.ru*

Мотивы воли и неволи в поэтическом сборнике Игоря Чернухина «Запах огня»

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые мотивы лирики белгородского поэта Игоря Чернухина на материале его книги избранных стихотворений «Запах огня». Мотивы воли и неволи пронизывают стихотворения гражданской и патриотической тематики, произведения о судьбе лирического героя, о поэте и поэзии. Мотивы воли и покоя из третьего раздела сборника соотнесены с пушкинским поэтическим контекстом.

Ключевые слова: Игорь Чернухин, поэтическая книга «Запах огня», мотивы воли и покоя, мотив неволи.

Abstract (Summary). The article considers the motives of Belgorod's poet Igor Chernukhin based on his book of selected poems «The Smell of Fire». Will and bondage are main themes of civil and patriotic poems, works about the fate of the lyric hero, about the poet and poetry. Motives of will and peace from the third section of the book are correlated with Alexander Pushkin's poetical context.

Keywords: Igor Chernukhin, book of selected poems «The Smell of Fire», the motives of the will and of peace, the motif of bondage.

Игорь Андреевич Чернухин (8.02.1930-28.04.2017) – самый известный из белгородских поэтов, автор более двух десятков книг. Сборник стихотворений «Запах огня» (2014) – замечательно выстроенная поэтическая книга, в которой нашли отражение основные мотивы творчества большого поэта, нашего земляка и современника. В книге четыре части, три из которых составляет избранная лирика, а в четвёртой публикуется поэма «Бел-город». Как и в предыдущем поэтическом сборнике «Долина» [2], третья часть носит название «За холмом», доминантной здесь является тема родины, во второй части – «Высокие звёзды» – собраны стихотворения о любви, а открывает книгу раздел «Преодоление», наполненный произведениями о судьбе лирического героя и судьбе народа, судьбе страны, судьбе поэта (в «Долине» части соответственно назывались «Любовь» и «Сполохи»).

Богатая интонационно, полная отсылки к поэтической традиции и неожиданных образов, парадоксально стыкующихся мотивов и лейтмотивов, книга «Запах огня» воспринимается именно как книга стихов. Несмотря на то, что в это «Избранное» естественно вошло много хорошо известных произведений из других сборников, она звучит по-новому, читается как откровение.

Игорь Чернухин в «Запахе огня» рифмует стихии: пламя жизни, огонь творчества, свет любви, и веры, и надежды, тепло и притяжение холмов родной земли, память полей, вольность ветра и облаков, песенный дух, воды Тихой Сосны и туманы, тихий дождь и тающий снег. В этой гармонии мотивов и образов выделяются мотивы воли и неволи, семантику и динамику которых в первом и третьем разделах сборника мы рассмотрим подробнее.

Мотивы воли и рабства начинают звучать в публицистически остром стихотворении «Мозаика мистерий» (1990), героя которого раздражают разлад в стране, спесь торгашей и суета лжепророков, довольство одуроченных людей. Сон-видение о матери в храме, её наставление о том, что главное сберечь душу, меняют отношение к миру: *«Я, как видно, на старом погосте / В дым развеял вчерашнее зло. / Потому и взирал// даже с болью / На довольных, но жалких людей, /Продававших и душу, и волю // Так... по глупости рабской своей»* [4: 36]. Поэт настойчиво утверждает свою независимость от власти: *«Какой бы дождь не моросил, / Какой бы снег не шёл в дороге – / По эту власти – / не просить, //Поэту власть дана от Бога»* («Поэт», 2011-2013) [4: 50]. В написанном раньше, но включенном в книгу далее стихотворении «Выбор» (1996) эта идея выражена еще эмоциональнее: *«Какое, скажите, мне дело до левых и правых? /Я в центре по сердцу... и, значит, с в о б о д н ы й поэт»* [4: 55]. Критик Г. Слёзкина отмечает, что так поэт остав-

ляет «за собою право быть верным той высшей правде жизни, которая не признаёт ни правых, ни левых» [1].

Начиная со стихотворения «Вера» (1989) мотив неволи организует произведения, отражающие трагические обстоятельства жизни автора, который в годы репрессий прошел через тюрьму и лагерь, о чем сначала поэт сказал в лирике, а затем в автобиографической книге [3]: *«Надежды светлой, веры светлой полон, / Я шел на свет далекого огня, / Совсем не зная, что зловещий ворон / Давно уже кружит вокруг меня. / Не знал я, что в осеннее ненастье / Он занесет меня в пустынный край, / Где будут душу рвать мою на части / Конвойный окрик и собачий лай»* [4: 56].

В стихотворениях «Мать» (1980), «И было слово Русь» (1991), «Байконур 1953 года» (1961), «Жарким летом 1951-го» (1965), «Карфаген» (2008), «Сны» (1993), «Бумеранг» (1990), «Чужая осень» (1991-2009) повторяются образы тюрьмы, раба, палачей и предателей. От глубоко личного и эмоционально напряженного содержания (свидание с матерью в зоне) И. Чернухин переключает внимание читателя на всеобщее и философичное в стихотворении «И было слово Русь». В стране, где идеологи перечеркивали всю историю до октября 1917 года, где слово «Русь» было знаком контрреволюции, где назвали кулацким поэтом и фактически запретили Есенина, бывший заключенный в муках обретает *«свободные слова»*: *«...слово Русь. Оно / Являю жизнь, презренье к смерти / Как ни душил его Лаврентий – / Оно осталось всё равно»* [4: 60]. Стихотворение исполнено патриотического чувства, осуждения беззакония и уверенности в том, что злодеи уходят, а родина вечна, и гонимые поэты, носители и хранители вольного слова, возвращаются *«со словом Русь...»*.

Тему заключения И. Чернухин развивает в стихотворении «Жарким летом 1951-го», где говорится о тяжком труде, не убившем души: *«Нет, души ты во мне не убила, обожгла лишь ее горячо»*. В последней строфе снова возникает мотив воли, тесно связанный с мотивом судьбы: *«И опять я качу вагонетки за судьбою и волей своей»*. Стихотворение «Карфаген» заключение описывает через мотивы молчания и немоты; тюрьма мертва, здесь *«ни голоса, ни крика»*, только безмолвное страдание по словам. Однако *«молчаливые стены Карфагена»* безопаснее живых людей, способных предать без проволочек.

Мотив тяжелого рабского труда реализуется автором сборника и в стихотворении «Сны», в котором И. Чернухин отсылает читателя к блоковскому стихотворению «Фабрика». В стихотворении «Сны» нарядчик – «черный Ангел» (метит крестиком народ). Черный цвет, как и у А.Блока, является символом зла, символом насилия: *«И не ропщи: ты виноватый, ты – враг народа, мразь и тля...»*, *«Ты раб. Ты можешь быть убит!»* [4: 70].

К стихотворению «Чужая осень» (1991-2009) предпосланы два эпиграфа: «Родина моя, ты сошла с ума» И. Талькова и пушкинские строки из послания «К Чаадаеву»: «Россия вспрянет ото сна...», здесь же лермонтовская

реминисценция: «Россия, Русь – «страна господ»! – / Ты спишь давно и напряженно... / Когда ж проснётся твой народ / И сбросит сон с себя тяжёлый?» [4: 79-80]. Отсылки к классикам усиливают мысль о том, что в неволе сна, под игом банкиров и магнатов пребывает вся страна, весь народ. Всеобщее неблагополучие конца XX века вызывает желание лирического героя И.А. Чернухина «уйти в леса», «И обрести покой сквозь дождь / И волю призрачного рая» [4: 80]. Интересно, что воля и покой стоят здесь рядом, как и в стихотворении «Исход» (1988-2008), расположенном в конце третьей части: «Покоя нет. И воли нет. Раздора горит костер... Мир слепнет от огня» [4: 214]. Такое сочетание мотивов связано с пушкинским контекстом, который открывается в стихотворении «Мы» (1997-2010), тоже отнесенном в конец третьего раздела. И Чернухин дает в этом произведении прямую отсылку к стихотворению «Пора, мой друг, пора!». «Один мудрец однажды сказал, что счастья нет, но есть покой и воля. Нам удержать покоя в равновесье, вдохнуть бы волю поднебесной сини...» [4: 215-216]. У А.С. Пушкина сказано так: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...». Завершается первый раздел книги стихотворением «Молитва», где звучит просьба о терпении, смирении, покаянии, вдохновении. Так тема воли с конкретно-историческим или публицистически злободневным звучанием смягчается, переводится в плоскость отношения человека с Богом. Этот ход авторской мысли повторяется в третьем разделе поэтической книги, где в сильной позиции, своего рода кульминации, стоят стихотворения «На последнем кругу», «Исход», «Мы», а закрывают раздел стихотворения «Мольба грешника» и «Свет».

Надежду народа на лучшую жизнь выражают бессмертные стихи, писать которые опасно, – главная мысль стихотворения «На последнем кругу» (2007), посвященного памяти Николая Gladких. Подлинная Россия неподвластна политикам; в храме, природе, песне воплощены её основные свойства и ценности: покой, воля и свет. «Слава Богу – осталось ей поле, / Тихий свет придорожных берез, / И любовь к каждой ветке, и воля, / И покой, что нам милы до слез ...» [4: 202]. Так третья часть поэтической книги перекликается с первой, и здесь тесно связанными с мотивами воли и неволи оказываются мотивы света, покоя и тревоги, темы народа и власти, поэта и поэзии.

Литература

1. Слёзкина, Г. Я в центре по сердцу... О стихах Игоря Чернухина / Г.Я. Слёзкина // Литературная Белгородчина <http://www.literabel.ru/books/igor-chemnuxin/2222-galina-slyozkina-ya-v-centre-po-serdczu-2016.html>
2. Чернухин, И. Долина: лирика / Игорь Чернухин; ред. Савин П.И. – Белгород: Белгор. обл. ластная тип., 2009. – 196 с.
3. Чернухин, И.А. Между прошлым и будущим...: (История одной жизни): заметки литератора в 3 частях. Кн. 1. Ч. 1. Ступени. Ч. 2. Затмение / И.А. Чернухин. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012. – 524 с.
4. Чернухин, И.А. Запах огня: книга избранных стихотворений. – Белгород: Константа, 2014. – 256 с.